

УДК 903.59

СЫРЦОВЫЕ ГРОБНИЦЫ И ОБРЯД ЗАХОРОНЕНИЯ С «ОБОЛОМ ХАРОНА» НА ТЕРРИТОРИИ КАВКАЗСКОЙ АЛБАНИИ

Г. О. Гошгарлы

Институт археологии и этнографии Национальной Академии наук Азербайджана

В статье рассматривается специфический обряд погребения в сырцовых гробницах, известный на территории Кавказской Албании на некрополе I в. до н.э. – I в. н.э. близ города Гянджи. В нескольких захоронениях этого некрополя был зафиксирован обряд захоронения с «оболом Харона», когда в рот умершему клалась монета. Автор приходит к выводу, что данный некрополь оставлен, по всей видимости, мигрантами с территории Парфии, где это обряд захоронения в сырцовых гробницах был распространен, и связывает его появление на территории Кавказской Албании с политической и торговой активностью Парфии на Восточном Кавказе.

The article deals with a specific burial rite in the mud-brick tombs, known in the territory of Caucasian Albania in the necropolis of the I st cent. BC – I st cent. AD near the town of Ganja. The burial rite with the "Charon's obol", with a coin placed in the mouth of the deceased, took place in several graves of the necropolis. The author concludes that the cemetery, probably, belonged to the migrants from Parthia, where burials in the mud-bricks tombs were spread, and links its emerge in Caucasian Albania during political and commercial activity of Parthia in the Eastern Caucasus.

Ключевые слова: Восточный Кавказ; Кавказская Албания; Парфия; «обол Харона»; сырцовые гробницы.

Keywords: Eastern Caucasus; Caucasian Albania; Parthia; Charon's obol; mud-bricks tombs.

Среди многочисленных и типологически разнообразных захоронений античного периода, исследованных в разное время на территории исторической Кавказской Албании, встречаются погребения, в которых под нижней челюстью погребенного обнаружена монета, – факт, фиксирующий положение в рот усопшему монеты. Это хорошо известная деталь греческого погребального обряда, известная в литературе под названием «обол Харона» и получившая в эллинистический период определенное распространение и на Востоке. Как известно, согласно греческим религиозно-мифологическим представлениям, после смерти душу человека брал за руку бог Гермес и вел ее к реке Стикс. Перевозчик Харон перевозил души на другой берег Стикса в своей лодке. Ему полагалось заплатить за услугу в перевозе в царство мертвых Аид, поэтому умершему в рот заранее вкладывали медную или серебряную монетку – обол.

В IV–III вв. до н.э. эта деталь погребального обряда зафиксирована на Боспоре [1], в Парфии, Бактрии и Согде [2]. Вопрос возникновения этого элемента погребального обряда на территории Ирана и Центральной Азии рассматривается в ряде научных работ [3].

В Азербайджане впервые обряд с «оболом Харона» археологически зафиксирован при исследовании античного некрополя около Гянджи, характеризующегося погребениями в сырцовых гробницах. Впервые здесь гробницы из сырцовых кирпичей были выявлены и исследованы в 1903 г. Г.О. Розендорфом [4]. В 1905 г. В.А. Скиндер на этом же некрополе исследовал еще несколько могил [5]. В 1937–1938 гг. Я.И. Гуммель раскопал здесь еще 19 сырцовых гробниц [6]. Таким образом, в целом на данном некрополе было раскопано 41 погребение в сырцовых гробницах.

Захоронения в сырцовых гробницах характеризуются вытянутым на спине положением погребенного со скрещенными на животе руками [7]. Но встречаются и могилы, в которых скелет находился в сильно скорченном положении на левом или правом боку [7], в сидячем положении [8], а также парные захоронения [9]. Таким образом, на могильнике представлены различные положения погребенного (что может указывать на отсутствие единой канонизированной позы) при доминировании вытянутого труположения и сходстве погребальной конструкции.

Могилы располагались группами и имели кургановидные насыпи высотой до 2 м [9]. Подкурганные гробницы сооружались в грунтовых ямах и были сложены из сырцовых кирпичей с большой примесью соломы и различных размеров (40×40×12, 44×44×11, 45×45×12, 50×50×12 см); при этом использовались и половинчатые кирпичи [10]. Гробницы имели длину от 1.5 до 2 м при ширине 0.4–0.45 м и глубине от 0.6 до 1.0 м. Устойчивая ориентация

погребальной камеры отсутствовала, хотя преобладало широтное направление с востока на запад [11].

Строгих конструктивно-архитектурных принципов сооружения гробниц не было. По мнению Я.И. Гуммеля, каждая гробница в архитектурном отношении представляла собой нечто новое. Он выделял около 20 типов конструкций, различающихся типом кладки боковых стен и перекрытия [12]. К.Алиев, опубликовавший 12 сырцовых могил, раскопанных Я.И. Гуммелем, отмечает еще 6 новых типов конструкций [13]. По мнению Я.И. Гуммеля, такое обилие конструктивных особенностей в сооружении этих гробниц свидетельствует о высоком строительном искусстве [14]. К. Алиев видит в этом многообразии доказательство «... относительно сложной погребальной архитектуры, являющейся в какой-то мере отражением жилой архитектуры древних азербайджанцев» [15]. Эти выводы Я.И. Гуммеля и К. Алиева не могут считаться бесспорными. Сырцовый кирпич, как известно, один из самых древних строительных материалов, широко применявшийся с древнейших времен и применяемый по сей день и не может служить свидетельством «... высокого развития строительного искусства» [16]. Говорить об этом в связи с многочисленностью типов конструктивных различий тоже не приходится. Здесь уместно говорить скорее об отсутствии выработанного стандарта, а не о сложной погребальной архитектуре. На наш взгляд, это разнообразие свидетельствует об ином явлении, о чем речь пойдет ниже.

Погребальный инвентарь в сырцовых погребениях небогатый. Это один-два керамических сосуда, но, несмотря на их немногочисленность, они представлены типологическим многообразием. Среди них представлены крупные двуручные широкогорлые кувшины (рис. 9), узкогорлые кувшины-ойнохои со сливом (рис. 4). Часто встречаются большие двуручные горшки (рис. 2, 3, 5, 7). Обычно крупные сосуды были накрыты маленькими чашечками-фиалами, иногда с плоским дном, а иногда с вдавленным омфалом на дне (рис. 6, 11–13). Во многих могилах встречаются и так называемые «чайники» – кувшинчики с носиками (рис. 14–16). Интересен найденный В.А. Скиндером двуручный сосуд с витыми ручками, покрытый ярко-зеленой поливой (рис. 1), иногда именуемый «парфянской амфорой». Он представляет собой характерный образец парфянской глазурованной керамики Месопотамии рубежа эр, важнейшими центрами производства которой были Селевкия на Тигре и Дура-Европос (см., напр.: [17]).

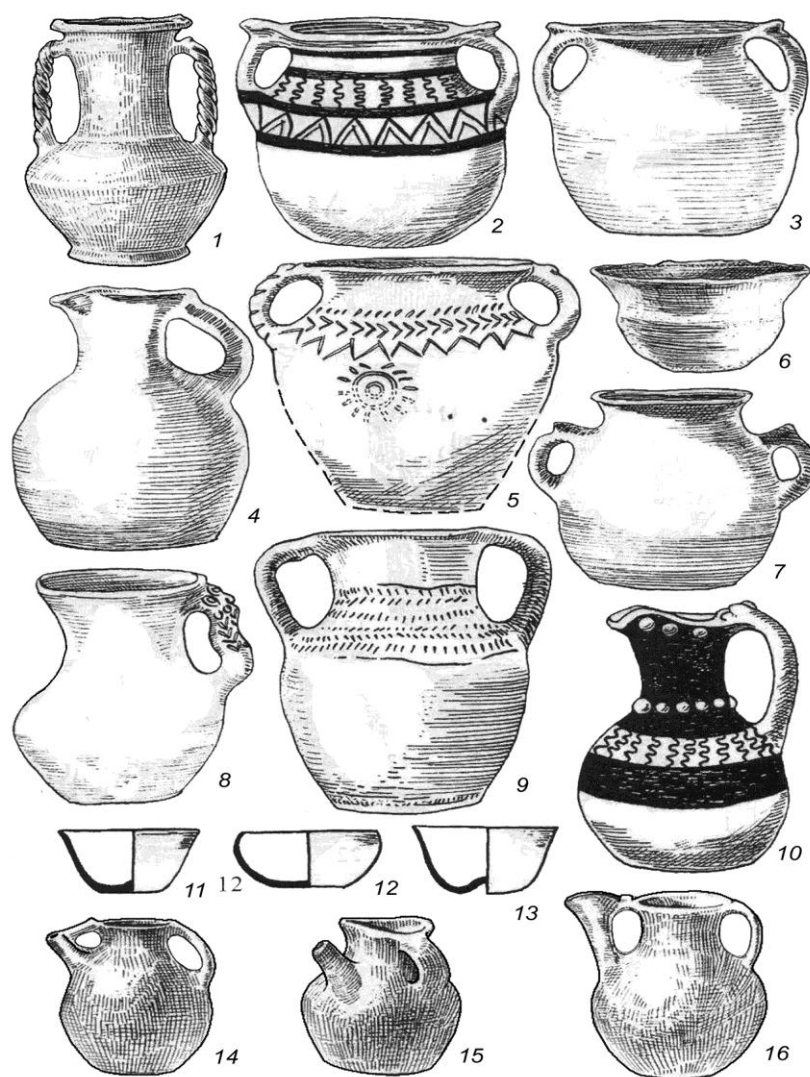
За исключением данного сосуда, вся остальная керамика из сырцовых гробниц, по сути, повторяет распространенные образцы керамики Кавказской Албании из грунтовых кувшинных погребений, каменных ящиков, срубных и катакомбных захоронений. Вся керамика сделана от руки, но отличается хорошим качеством. Помимо керамики в погребениях встречаются разнообразные бронзовые украшения и бусы. Только в некоторых могилах выявлены остатки деформированных железных ножей. В одном погребении был найден железный нож с костяной ручкой [18], а еще в одном – железный меч [19].

Важнейшими находками в сырцовых гробницах, выступающими хронологическими индикаторами и позволившими точно датировать эти погребения и выдвинуть ряд предположений, являются монеты. Всего найдено три монеты, которые были обнаружены в захоронениях с вытянутым на спине положением погребенного под его нижней челюстью. Одна монета из раскопок Г.О. Розендорфа не попала в руки специалистов, не была идентифицирована и точных сведений о ней нет. Сохранился только сам факт ее находки в отчете Г.О. Розендорфа. Но две другие монеты из раскопок Я.И. Гуммеля были определены Е.А. Пахомовым. Это монеты парфянских правителей Фраата III (70–57 гг. до н.э.) и Орода (57–38 гг. до н.э.), которые позволили датировать сырцовые гробницы рубежом эр [19].

Следует заметить, что в последующие годы при исследовании различных некрополей античного периода на территории Азербайджана находили монеты, иногда даже в руке погребенного [20], но обряд положения монеты в рот погребенного долгое время был зафиксирован лишь в указанных сырцовых гробницах. И только в 2006 г. в Джагилабадском районе в предгорьях Талыша при исследовании античного могильника с грунтовыми погребениями у с. Джафарханлы было вскрыто погребение, в котором под челюстью погребенного также была выявлена монета – серебряная драхма парфянского царя Митридата II (123–88 гг. до н.э.) [21].

Материалы из сырцовых погребений, как и сам этот тип погребального сооружения, неоднократно привлекались исследователями при освещении тех или иных вопросов истории и археологии Кавказской Албании античного времени. Впервые общую характеристику этих материалов дала Т.С. Пассек. В статье, посвященной Джафарханскому могильнику, она отмечала, что здесь наряду с грунтовыми могилами и погребениями в глиняных сосудах обнаружена «...кладка из обожженных кирпичей, по-видимому, погребения в так называемых сырцовых могилах» [22]. Но при последующих раскопках исследовательницы на этом мо-

гильнике сырцовые гробницы здесь не были обнаружены. Но так как могильный инвентарь из грунтовых и кувшинных погребений Джафархана, особенно керамика, типологически были идентичны керамике сырцовых могил, Т.С. Пассек широко привлекла для обобщающих исторических выводов материалы из раскопок Я.И. Гуммеля и Г.О. Розендорфа. Это, видимо, ввело в заблуждение последующих исследователей, и О.Ш. Исмизаде позднее писал, что «сырцовые гробницы встречаются также в Муганской степи, на территории Джафарханского могильника и в Мингенчауре» [23]. При этом он ссылаясь на Т.С. Пассек. Вслед за О.Ш. Исмизаде и Дж.А. Халилов утверждал, что сырцовые могилы известны в Ханларском районе и в Мильской степи, имея в виду могильники Джафархан и Мингечаур [24].

Керамические сосуды из Гянджинского могильника

Однако погребений в сырцовых гробницах в Джафарханском могильнике не было выявлено. Несостоятельным является и ссылка авторов на сырцовые могилы Мингечаура, исследованные Р.М. Ваидовым [25]. Здесь речь идет о раннесредневековых христианских погребениях, не имеющих генетической связи с античными сырцовыми гробницами возле Гянджи. Мингечаурские погребения по своей конструкции, размерам, положению костяка резко отличаются от гянджинских. Между этими могильниками существует и значительный хронологический разрыв в более чем пять столетий, и если гянджинские захоронения являются, по сути, языческими погребениями и иными быть не могли, то мингечаурские погребения совершены по христианскому обряду. В последних совершенно нет погребального инвентаря, за

исключением отдельных предметов украшений (браслет, кольцо, бусина) в некоторых могилах, что не исключается раннехристианской погребальной обрядностью [26]. Но тиражирование идеи о том, что сырцовые могилы были распространены в Кавказской Албании, привело последующих исследователей и, в частности, К. Алиева к мысли, что «... население этой части древней Кавказской Албании в основном погребало своих покойников в сырцовых гробницах» [27]. Так сырцовые гробницы, известные на территории античной Кавказской Албании только в одном могильнике, функционировавшем всего один-два века, постепенно стали расцениваться как один из основных видов погребальных сооружений, что абсолютно не соответствует реальной картине.

Не подлежит сомнению, что Гянджинский могильник оставлен оседло-земледельческим населением. Об этом свидетельствует и характер погребального инвентаря, и размеры самого могильника, рядом с которым, по сообщению Я.И. Гуммеля, находилось крупное поселение, уничтоженное в результате сельскохозяйственных работ [28]. Но вопрос о том, принадлежал ли этот тип погребального сооружения местному автохтонному населению или же в данном случае мы имеем дело с мигрантами, требует специального рассмотрения.

Исследователи неоднократно указывали на обычай «обол Харона», нашедший археологическое отражение в погребениях, как на свидетельство распространения элементов эллинистической культуры в албанской среде, забывая, что это не элемент материальной культуры, который действительно относительно легко приживается в быту в русле политических, экономических и культурных связей и что хорошо археологически прослеживается в керамике, украшениях, деталях костюма и т.д. Но в сфере духовной культуры, и в частности религиозной идеологии, отражением которой являются погребальные памятники, дело обстоит сложнее. Чтобы какая-то часть автохтонного населения Кавказской Албании ввела в систему своих религиозных представлений показательную деталь погребальной обрядности и, в частности, такой греческий обычай, как «обол Харона», требовалось существенное и продолжительное влияние греческой и эллинистической духовной культуры, которое внесло бы серьезные изменения в систему религиозно-мировоззренческих представлений и погребальной идеологии местного населения.

Первым идею о том, что носителями обряда захоронения в сырцовых гробницах были не аборигены, а мигранты, выдвинул еще Г.О. Розендорф [29]. Большое значение этому вопросу придавал и Я.И. Гуммель, который отмечал: «Возникает вопрос, является ли носителем данной культуры коренное местное население района Гянджа-чая, оставившее нам в более древнюю эпоху бронзы многочисленные курганы и каменные ящики, или же мы имеем дело с какой-нибудь из иноземных колоний, например, греко-римской, которых в ту эпоху много было на Черноморском побережье» [30]. Исследователь привел ряд доводов по обеим версиям. В пользу местного происхождения этого некрополя, по мнению Я.И. Гуммеля, свидетельствует наличие захоронений в скорченном положении и сидячей позе, характер погребального инвентаря и, в частности, керамической посуды, имеющей много общего с керамикой кувшинных погребений и грунтовых могил типа Ялойлутепе [30]. В пользу второй версии, по Я.И. Гуммелю, говорит сам факт единичности такого могильника на всем Кавказе и наличие в некоторых могилах парфянских монет и привозного янтаря [30]. В одной из других своих работ исследователь отстаивал мысль о том, что этот могильник свидетельствует о наличии греко-римской колонии [31], но окончательных выводов Я.И. Гуммель по данному вопросу не сформулировал.

Первым идею о том, что носителем обряда сырцовых погребений было автохтонное население, в частности одно из албанских племен, проживавших на данной территории, выдвинул О.Ш. Исмизаде. При этом он ссылаясь на Я.И. Гуммеля, который якобы считал носителей культуры сырцовых погребений коренным местным населением [32]. Доказательств своего вывода О.Ш. Исмизаде не привел, за исключением того факта, что инвентарь этих могил, особенно керамика, имеет много общего с погребальным инвентарем из грунтовых погребений со скорченными костяками и из кувшинных погребений [32]. К.В. Тревер, проявляя осторожность в данном вопросе, отмечала, что у Я.И. Гуммеля можно встретить высказывания в пользу и местного происхождения данного типа погребений, и принадлежности этого могильника «греко-римской колонии» [33]. По мнению К.В. Тревер, сырцовые могилы в Азербайджане относятся к тому типу погребений, которые пока в силу недостаточности фактологического материала «...нельзя сближать с определенными племенами или группами населения» [33]. В своей статье, посвященной сырцовым гробницам, К. Алиев, хотя прямо и не указал на их местное происхождение, но косвенно присоединился к точке зрения О.Ш. Исмизаде, утверждая, что погребальная архитектура сырцовых могил в какой-то мере отражает жилую

архитектуру древних азербайджанцев [34]. Осторожную позицию в данном вопросе занимал и Дж.А. Халилов, по мнению которого «о принадлежности и происхождении сырцовых гробниц на основании наличного материала, добытого из обследованных памятников, предположить что-либо конкретное пока трудно» [35].

Действительно, если исходить из характера погребального инвентаря, как часто поступали исследователи, рассматривая сырцовые гробницы, то к конкретным выводам прийти трудно, так как в целом их археологический вещевой материал идентичен материалу других погребальных комплексов рубежа эр Кавказской Албании. Думается, что ответ надо искать в другой плоскости.

Так, К.В. Тревер обратила внимание на то, что «у Страбона после перечня племен, живущих на Каспийском побережье (албаны, каспии, гелы, утии, анарики и др.), читаем: «...говорят ..., что айнианы в Утии построили город со стенами, который называется Айниана, и что там можно увидеть и греческое вооружение, и бронзовые сосуды, и гробницы» [36]. Далее, развивая этот тезис, К.В. Тревер замечала, что «айнианы – это фессалийское племя и, следовательно, из текста Страбона можно было бы заключать, что на территории Утии обитали греческие переселенцы» [36].

В вышеприведенном пассаже из сочинения Страбона речь идет и о гробницах, хотя и не уточняется, что это за гробницы. Не исключено, что это именно сырцовые гробницы. Следует помнить, что Я.И. Гуммель сообщал и о крупном поселении, расположенном рядом с могильником и, к сожалению, полностью уничтоженным в результате выравнивания территории под виноградники [37].

В пользу того, что, скорее всего, мы все-таки имеем дело с греко-парфянской колонией, существовавшей на территории Кавказской Албании, могут свидетельствовать, на наш взгляд, следующие факты. Во-первых, как уже отмечалось, на сегодня это фактически единственный некрополь с таким типом погребальных сооружений в Азербайджане и вообще на всей территории Кавказской Албании. Во-вторых, сырцовые гробницы, как погребальная конструкция, не имеют здесь исторических корней, и этот тип погребального сооружения неизвестен по раскопкам других немалочисленных некрополей предшествующих эпох на территории Кавказской Албании. В то же время сырцовые гробницы, синхронные рассматриваемым, имели широкое распространение в парфянскую эпоху на территории Малой и Центральной Азии, Ирана, Месопотамии. Это был один из основных типов погребальных сооружений в Парфии. Б.А. Литвинский, детально исследовавший погребальные памятники Парфии, указывал на широкое распространение здесь этого типа погребальных сооружений [38]. Так, например, сырцовые гробницы рубежа эр были выявлены в Вавилоне, Ашуре, Ктесифоне, Иорган-тепе, Дура-Европос [38]. При этом исследователи обращали внимание на то, что в парфянскую эпоху в Бактрии, Иране и Месопотамии наблюдается такое же разнообразие типов кладки из сырцовых, а иногда и обожженных кирпичей. Здесь также имели место погребения одиночные и редко парные; положение погребенного также разнообразное (вытянутое, скорченное на левом или правом боку), а ориентация неустойчивая.

Рассматривая сырцовые могилы парфянского периода, исследователи неизменно отмечают глубокие местные корни погребальной архитектуры такого типа [38]. Так, утопленные в землю склепы из сырцовых и обожженных кирпичей имели широкое распространение в ассирийский и нововавилонский периоды [38]. По мнению исследователей, в парфянскую эпоху так хоронили своих покойников осевшие и образовавшие в Парфии немалочисленные колонии греки. Так, Б.И. Литвинский и А.В. Седов отмечают, что «...идея помещения покойников в заглубленные в землю кирпичные склепы-саркофаги была заимствована бактрийскими греками в Месопотамии...» [38].

Следует отметить и тот факт, что только в Гянджинском некрополе на территории Кавказской Албании мы сталкиваемся с показательным обрядом помещения в рот покойников монеты. Зафиксированный аналогичный обряд в единственном грунтовом погребении Джафарханского могильника в Джагилабадском районе, на границе Кавказской Албании с Атропатеной в целом ситуации не меняет. Обычай «обол Харона», как отмечалось выше, получил распространение в Парфии (Южная Туркмения, Иран, Месопотамия) и Бактрии, где, как известно, существовало много греческих поселений. Там в немалом количестве открыты погребения последних веков до н.э., в том числе и погребения в сырцовых гробницах, в которых под нижней челюстью покойника находилась монета [39]. Исследователи неоднократно отмечали, что этот обычай попал на Восток из Греции в эллинистическую эпоху и получил здесь в парфянскую эпоху широкое распространение [40]. В доэллинистический период ни в Бактрии, ни на Кавказе, ни в Иране и в других соседних регионах эта существенная деталь погребальной обрядности, насколько нам известно, не зафиксирована. Она появилась в Центральной Азии, Иране, Месопотамии, на Южном Кавказе только в период эллинизма. Этот

греческий по происхождению обряд можно было встретить на Востоке спустя более чем столетие после падения власти греков [41]. Вместе с тем при широком распространении этого элемента погребального обряда и религиозных представлений в Парфии, как отмечала Г.А. Пугаченкова, он не стал обязательным для погребений эпохи эллинизма на Востоке [42]. Но по справедливому замечанию Б.А. Литвинского, и в самой Греции этот обычай в структуре погребального обрядности никогда не был обязательным [43]. Заметим также, что захоронения под курганами и в грунтовых ямах, обложенных сырцовыми кирпичами, также отмечены у эллинского населения.

Скорее всего, фиксация в Кавказской Албании на рубеже двух эр погребального обряда захоронения в сырцовых гробницах и эпизодически сопутствующего ему обычая положения покойнику «обол Харона» связана с появлением здесь мигрантов-носителей этого обряда. Общеизвестно, что на рубеже двух эр Рим и Парфия вели борьбу за гегемонию в Передней Азии и на Южном Кавказе. В I в. н.э. Парфии удалось утвердить на троне Атропатены, а затем Армении и Албании представителей своей династии Аршакидов.

Не приходится сомневаться в том, что в целях усиления своих позиций парфянские цари вели, как ранее Ахемениды и Селевкиды, а позднее Сасаниды, колонизационную политику и, очевидно, переселяли в пределы Южного Кавказа, в том числе и в Кавказскую Албанию, племена из различных областей своего государства. Это была распространенная практика. С этим, по всей видимости, связано появление на территории Кавказской Албании новых, до этого неизвестных, типов погребений, в том числе и сырцовых гробниц, имевших на территории Парфии вековые традиции, и обычая сопровождения умершего «оболом Харона». Вместе с тем появление этих новаций в погребальной обрядности на территории Кавказской Албании следует связывать и с усилением торгово-экономических связей Албании с Парфией, с активизацией на рубеже эр международной торговли по Прикаспийскому пути в контексте известного сообщения Страбона (XI, 5, 8) о караванной торговле аорсов (об этом см.: [44]). В этом случае логично предполагать появление иноземных поселений-факторий на территории Кавказской Албании.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шелов Д.Б. Монетное дело Боспора в VI–II вв. до н.э. М., 1956. С. 130.
2. Литвинский Б.А. Погребальные сооружения и погребальная практика в Парфии // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. М., 1983. С. 119–120.
3. Литвинский Б.А. Курганы и курумы западной Ферганы. М., 1972. С. 113–119; Стависский Б.Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977. С. 160–165; Пугаченкова Г.А. О культурах Бактрии в свете археологии // Вестн. древней истории. 1974. № 3. С. 133.
4. Розендорф Г.О. Раскопки Г.О. Розендорфа // Отчет Императорской Археологической Комиссии за 1903 г. СПб., 1906. С. 86–108.
5. Скиннер В.А. Опыт археологической разведки. Пятигорск, 1906. С. 5–32.
6. Гуммель Я.И. Археологические очерки. Баку, 1940. С. 145–160.
7. Гуммель Я.И. Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка // Сов. археология. Т. VI. 1940. С. 294–295.
8. Алиев К. О неопубликованных сырцовых гробницах, раскопанных Я.И. Гуммелем в 1938 году // Материальная культура Азербайджана. Т. VII. Баку, 1973. С. 242.
9. Гуммель Я.И. Археологические очерки. С. 149, 156–157.
10. Алиев К. О неопубликованных сырцовых гробницах... С. 233.
11. Гуммель Я.И. Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка. С. 293.
12. Гуммель Я.И. Археологические очерки. С. 150–151.
13. Алиев К. О неопубликованных сырцовых гробницах... С. 241.
14. Гуммель Я.И. Археологические очерки. С. 152.
15. Алиев К. О неопубликованных сырцовых гробницах... С. 241–242.
16. Гуммель Я.И. Археологические очерки. С. 151.
17. Debevoise N.C. Parthian Pottery from Seleucia on the Tigris. Ann Arbor, 1939; Toll N. The Green Glazed Pottery // Excavation at Dura-Europos. Final report. Vol. IV. Pt. I. Fasc. 1. New haven, 1943; Haerinck E. La céramique en Iran pendant la période parthe (ca. 250 av. J. C. à ca. 225 après J. C.). Typologie, chronologie et distribution // Iranica Antiqua. Supplément 2. Ghent, 1983; Vogelsang W. Parthian-Period Pottery From Iran // Archäologische Mitteilungen aus Iran. Bd. 18. 1985. P. 157–172.
18. Алиев К. О неопубликованных сырцовых гробницах... С. 235.
19. Гуммель Я.И. Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка. С. 296.
20. Расулова М.М. Торгово-экономические и культурные связи Кавказской Албании с античным и эллинистическим миром: IV в. до н.э. – III в. н.э. Баку, 2008. С. 98–99.
21. Алекперов А.И. Античный некрополь Гылыджылы у села Джафарханлы Джагилабадского района // Археология, этнология и фольклористика Кавказа: Материалы Междунар. науч. конф. «Новейшие археологические и этнографические исследования на Кавказе». Махачкала, 2007. С. 118–119.
22. Пассек Т.С. Джафарханский могильник // Вестник древней истории. 1946. № 2.

23. *Исмизаде О.Ш.* Ялойлутапинская культура. Баку, 1956. С. 69.
24. *Халилов Дж.А.* Материальная культура Кавказской Албании. Баку, 1985. С. 103.
25. *Ваидов Р.М.* Мингечаур в III–VIII вв. Баку, 1961. С. 128–137. (На азерб. яз.).
26. *Гошгарлы Г.О.* Кишский могильник (традиция и инновация) // *History of Caucasus. The Scientific-Public Almanac.* Баку, 2002. С. 54–56.
27. *Алиев К.* О неопубликованных сырцовых гробницах... С. 242.
28. *Гуммель Я.И.* Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка. С. 296–297.
29. *Розендорф Г.О.* Раскопки Г.О. Розендорфа. С. 97.
30. *Гуммель Я.И.* Археологические очерки. С. 159, 160.
31. *Гуммель Я.И.* Краеведческий музей Ханларского района. Баку, 1939. С. 12.
32. *Исмизаде О.Ш.* Ялойлутапинская культура. С. 68, 69.
33. *Тревер К.В.* Очерки истории и культуры Кавказской Албании. М.; Л., 1959. С. 167–168, 176.
34. *Алиев К.* О неопубликованных сырцовых гробницах... С. 241–242.
35. *Халилов Дж.А.* Материальная культура Кавказской Албании. С. 106.
36. *Тревер К.В.* Очерки истории и культуры Кавказской Албании. С. 143.
37. *Гуммель Я.И.* Сырцовые гробницы Азербайджана и их датировка. С. 293–294.
38. *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Тепаи-Шах // *Культура и связи кушанской Бактрии.* М., 1983. С. 81–122.
39. *Литвинский Б.А.* Курганы и курумы западной Ферганы. С. 113–118.
40. *Литвинский Б.А.* Курганы и курумы западной Ферганы. С. 113–118; *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Тепаи-Шах. С. 119; *Стависский Б.Я.* Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. С. 160–165; *Пугаченкова Г.А.* О культурах Бактрии в свете археологии. С. 133; *Дьяконов М.М.* Работы Кафирниганского отряда // *Материалы и исследования по археологии СССР.* № 15. М.; Л., 1950. С. 177.
41. *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Тепаи-Шах. С. 199.
42. *Пугаченкова Г.А.* О культурах Бактрии в свете археологии. С. 133.
43. *Литвинский Б.А., Седов А.В.* Тепаи-Шах. С. 199.
44. *Гаджиев М.С.* Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период. Махачкала, 1996. С. 90–96.

Поступила в редакцию 24.11.2011 г.

Принята к печати 26.06.2012 г.